

09.04.2019, 14:10 Санкт-Петербург

свой опыт

«Куда тебя еще деть?»: рассказ о жизни в Центре для несовершеннолетних правонарушителей

Подростка Никиту **задержали** 24 марта на митинге в Петербурге. Он пришел с плакатом «Верните выборы, пидоры», где в последнем слове две буквы были закрыты фотографиями Путина и Медведева. Его задержали и составили протокол о мелком хулиганстве. Родителей в тот момент не было в стране, и его **отвезли** в Центр временного содержания для несовершеннолетних правонарушителей. Никита рассказал ОВД-Инфо, как он провел там пять суток.

О митинге я узнал в канале Бориса Вишневого, видел приглашения в и в других каналах. Напечатал свой плакат

на домашнем принтере. Я закончил художественную школу, мой плакат понравился многим. Я пришел к двум часам, постоял, сфотографировался с несколькими десятками людей. В какой-то момент увидел, как за рамками переговариваются между собой полицейские с людьми в штатском, показывая на меня. Обычно металлоискатели и рамки используются только в Москве, но в этот раз их поставили и у нас. Я решил убрать плакат.

В какой-то момент полицейские подошли и попросили меня пройти вместе с ними. Рядом со мной стоял активист Петр Трофимов — он начал спорить с ними, пытаюсь понять причину задержания. Сотрудники полиции отрицали факт задержания, говорили: «Мы сейчас отойдем поговорить, поболтать». Меня увели за территорию проведения митинга. При проверке документов увидели, что я несовершеннолетний, сказали: «Посиди-ка тут пока у нас в автозаке».

Там со мной пытались беседовать полицейские и непонятные люди без формы. Они спрашивали: «Кто тебе такой плакат дал? Кто напечатал? Сколько заплатили денег?» Мне предлагали все подписать, не читая, но я не стал так делать, ко всему придирался, требовал, чтобы мне разъяснили 51-ю статью Конституции, руководствуясь принципом «итальянской забастовки».

После довольно долгих совещаний, на меня составили протокол за нецензурную брань, то есть решили, что будет мелкое хулиганство. В ОВД приходил человек без формы, сказал, что будет при мне смотреть мой телефон, попросил разблокировать. Посмотрели смс, WhatsApp, группу сторонников Навального. Затем увидел, что есть телеграм, открывает его, но он, конечно, запаролен. Говорит: «Вводи пароль». Я ввожу «один, два, три четыре»... «Ой, забыл! Ну как же так...» Так же делал, когда они начали выпрашивать информацию про брата, про

тетю, еще что-то. В общем, как только что-то лишнее они начинали спрашивать, я тут же начинал забывать.

В отделе полицейские долго думали, решали, куда меня везти. Так мне ничего и не сказали и повезли. Только уже подъезжая к ЦВСНП (Центр временного содержания для несовершеннолетних правонарушителей — *ОВД-Инфо*), мне объяснили, куда везут.

Плакат Никиты / Фото: Георгий Марков

Когда я зашел внутрь, мне сказали выключить телефон и сдать все вещи. Несколько раз я заставлял переделывать опись, потому что они неправильно записывали, цвет телефона, пытались переписать данные банковской карты. Досконально досмотрели, включая интимные области, изъяли шнурки, затем опросили. Вообще одну и ту же информацию сначала спрашивали в автозаке, затем в отделе полиции, и потом в ЦВСНП. У них, видимо, коммуникация между собой никак не настроена.

Первая ночь обязательно должна быть в изоляторе. Вот его интерьер: четыре кровати длиной 1,6 метра без подушек, две камеры и больше ничего. Одна из стен покрыта стеклом, как галерея, видимо, чтобы просматривать. Несмотря на то, что всё изымают, вся стена исписана. В основном пишут дату, имя, кто и за что попал. Потом мне этот лайфхак сказали как повернуть: при задержании нужно положить под язык монетку, и, когда уже заходишь в изолятор, можно что-нибудь выцарапать на стекле.

На следующий день приходит врач, осматривает, забирают всю одежду, потом ведут мыться. В душе из шести кранов горячая вода только в одном есть. И то, воду надо сначала пропустить, она ржавая. Затем выдают местную одежду, максимально убогую. Все серое, невыразительное,

на несколько размеров больше. После мытья поднимаешься наверх.

На нижнем этаже находится изолятор, пищеблок и душевая, а наверху — так называемая «группа». Там находятся класс, игровая и спальни. Перевести из изолятора называется «поднять на группу», на сленге работников. Уборная просто ужасная. Это отдельно стоящие унитазы, кабинок нет. Горячей воды и туалетной бумаги тоже нет. Нужно спрашивать отдельное разрешение для похода в уборную и отдельное разрешение для получения туалетной бумаги.

Там множество всяких правил, которые нужны исключительно для психологического давления. Наверх по лестнице можно подниматься только вдоль стены. Спрашивать нужно абсолютно обо всем: когда переходишь из комнаты в комнату, когда нужно посетить уборную, еще что-то сделать. Телефоном мне ни разу не дали воспользоваться. Я раз пятнадцать спрашивал, но мне так и не разрешили.

Видеокамер просто неадекватное количество. В классе, где типа занятия идут, две или три камеры. В спальне четыре камеры, в коридоре и игровой — не меньше трех. Я опасался, что и в уборной тоже есть.

Каждый день нужно беседовать с дежурным воспитателем. Во время беседы ты пересказываешь информацию, о которой спрашивали при задержании и в отделе полиции. На арестованных оказывали что-то вроде давления, говорили: «Вы все виновные и здесь отбываете свое наказание». При этом у большинства задержанных судов ещё не было.

Со мной проводили долгие беседы, сотрудникам было интересно. Такое задержание, на митинге, как они говорили, случается довольно редко. Они говорили, что вообще первый случай в их практике, когда кто-то

оспаривал законность задержания. Обычно им было неинтересно, а тут они нашли «пятую колонну». С одним сотрудником мы на какую-то тему разговаривали, и он мне говорит: «Нет, в этой теме ты слабоват, уточни потом у своего куратора из Госдепа».

Определение о передаче дела

Для питания в пищеблоке нужно было четыре раза в день спускаться и подниматься по лестнице, исключительно вдоль стены. Причем медленно. Питание, как в любом казенном учреждении, не очень хорошее, но я находил, чем насытиться. Обед в принципе неплохой. На месте они ничего не готовят. Им всё привозят, как в самолете, но хуже. Тут они только разогревают в пластиковой таре. С голоду не умрешь, хотя я похудел, пока там был.

Из досуга только шахматы и шашки, за пять дней я сыграл около ста партий. Кроме этого, особо заняться было нечем. Зато выигрывал у всех. Был просмотр телевизора один час в день. Если кто-то говорит хотя бы одно слово, то телевизор сразу же выключают. До того, как я пришел, все смотрели «Первый канал», что то-такое. Я убедил всех поставить развлекательный канал, мы в итоге выбрали «СТС». Работники мне сказали, что до этого никто не был против, все смотрели «Первый канал» и нормально, всем нравилось, пока не попал «бузотер».

Там еще «мероприятия» были, так это называется. Утром собираются все в классе, и выдаются газеты. За чтением этих газет никто не следит. Никто, кроме меня, их и не читал. А вечером другое «мероприятие» — дается текст, его нужно выучить наизусть, а потом пересказать. Тексты очень простые, но некоторые и с ними не справлялись. Например, дается текст про Северо-Западный федеральный округ, и нужно назвать столицу округа.

Со мной арестованных было восемь человек, из них четверо — за курение. Одна девочка посещала больницу со сломанным пальцем. Она вышла на пять минут покурить, и тут появились сотрудники. Повезли ее сначала в отделение, потом в ЦВСНП. Но нельзя сказать, что все там — невиновные. Было двое угонщиков.

ЦВСНП — это огромное шестиэтажное здание. На всех окнах решетки, колючая проволока по периметру. Восемь задержанных — это норма, и сотрудников там гораздо больше.

Но раньше была другая ситуация. «Группа» была поделена на две части — женскую и мужскую. Было так много арестованных, что в одной части они не помещались. По словам одного из сотрудников, раньше, если за 48 часов законные представители не забирали арестованного, то на тридцать дней он оставался в ЦВСНП. И раньше этих тридцати дней забрать было нельзя. Люди скапливались.

Сейчас это устроено так: поступаешь, ночуешь, проводишь 48 часов, дальше назначается суд. Далее суд выносит всегда одинаковое решение — продлевается арест до тридцати суток, либо до того момента, когда заберут законные представители.

На утро через три дня после задержания у меня был суд. Судья сказал, что сейчас вынесут решение о продлении ареста, спросил, какая у меня позиция. Я ответил, что против. Он удивленно: «Почему против?» Я говорю: «Потому что Центр предназначен для правонарушителей, а до решения комиссии по делам несовершеннолетних таковым я не являюсь». Судья на это сказал: «Да, верно, но куда тебя еще деть?» Продлили, потому что невозможно передать законным представителям — они находились за границей.

- На пятый день ареста Никиту забрали родители. Спустя десять дней после задержания Никита побывал на заседании Комиссии по делам несовершеннолетних. Молодого человека в качестве общественного защитника представлял активист «бессрочного протеста» Илья Ткаченко, которого на днях **избили** в отделе полиции. Сторона защиты отметила, что когда на митинге полицейские подошли к Никите, он уже убрал плакат. Ткаченко в связи с этим попросил привлечь записи с камер полицейских. В результате комиссия приняла решение о возвращении дела в полицию на доработку.

Ещё почитать

24.02.2026 Санкт-Петербург

Прокурор запросил от 8 до 13 лет колонии для фигурантов дела «Весны»